

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ АРБИТРАЖ В АКТАХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

*Муранов А.И.***

В рамках российской правовой системы последним юридическим средством после того, как свое мнение по конкретному делу высказали высшие судебные инстанции, является обращение в Конституционный Суд РФ с требованием проверить соответствие Конституции РФ примененных в таком деле федеральных законов и иных нормативных актов. Согласно части 3 статьи 79 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ “О Конституционном Суде Российской Федерации”¹ *“Решения судов и иных органов, основанные на актах, признанных неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных федеральным законом случаях”*.

В связи с этим неудивительно, что субъекты правового оборота обращаются в Конституционный Суд РФ не только по поводу конституционности публично-правовых материальных нормативных актов, но

* Определения Конституционного суда Российской Федерации по данному вопросу см. в рубрике «Документы».

** Муранов Александр Игоревич – к.ю.н., доцент кафедры международного частного и гражданского права МГИМО (У) МИД России, адвокатская фирма “Монастырский, Зюба, Семенов & Партнёры” (www.muranov.ru).

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 13. – Ст. 1447. Укажем особо, что при написании настоящей статьи и цитировании нормативных актов использовались электронные справочные правовые системы “Гарант” и “Консультант Плюс”.

также и частнопроводных, равно как и гражданско-процессуальных. Конституционный Суд РФ уже неоднократно высказывал свое мнение по поводу конституционности отдельных положений ГК РФ², а также ГПК РСФСР 1964 г.³ и АПК РФ 1995 г.⁴.

Соответственно, в российских условиях рано или поздно должен был встать и вопрос о конституционности положений Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 “О международном коммерческом арбитраже”⁵. Это тем более верно, если учесть, что данный Закон посвящен специфическому правовому институту, история широкого распространения которого в современном российском праве не насчитывает еще и десяти лет.

Например, одной из ярких особенностей международного коммерческого арбитража является то, что его решения могут быть отменены или не приведены в исполнение только по ограниченному списку оснований, большинство из которых относится к тому же к процессуальной сфере⁶. При этом неправильное применение правовых норм при

² Определение Конституционного Суда РФ от 7 октября 1999 г. № 137-О “По жалобе гражданина Коржа Сергея Аркадьевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 333 ГК Российской Федерации и статей 325 и 432 ГПК РСФСР” (Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 46. – Ст. 5610); Постановление Конституционного Суда РФ от 23 декабря 1997 г. № 21-П “По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации и части шестой статьи 15 Закона Российской Федерации “Об основах налоговой системы в Российской Федерации” в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации” (Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 52. – Ст. 5930); Постановление Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П “По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова” (Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 7. – Ст. 700).

³ См., например, Постановление Конституционного Суда РФ от 14 апреля 1999 г. № 6-П “По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 325 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.Л. Дрибинского и А.А. Майстрова” (Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 16. – Ст. 2080).

⁴ См., например, Постановление Конституционного Суда РФ от 3 февраля 1998 г. № 5-П “По делу о проверке конституционности статей 180, 181, пункта 3 части 1 статьи 187 и статьи 192 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации” (Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 6. – Ст. 784).

⁵ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 32. – Ст. 1240.

⁶ Так, пункт 2 статьи 34 Закона РФ “О международном коммерческом арбитраже” устанавливает: *“Арбитражное решение может быть отменено судом, указанным в пункте 2 статьи 6, лишь в случае, если:*

вынесении международным коммерческим арбитражем решения или неправильная оценка им обстоятельств дела могут являться основанием для отмены этого решения или отказа приводить его в исполнение только в том случае, если они окажутся настолько серьезными, что будет иметь место противоречие публичному порядку России. Между тем решение внутреннего третейского суда не подлежит приведению в исполнение и тогда, когда этим судом совершена ошибка в применении норм права или оценке фактов⁷.

Наконец, необходимо сказать и о том, что Закон РФ “О международном коммерческом арбитраже” выглядит на фоне остальных российс-

1) сторона, заявляющая ходатайство об отмене, представит доказательства того, что: одна из сторон в арбитражном соглашении, указанном в статье 7 была в какой-то мере недееспособна, или это соглашение недействительно по закону, которому стороны его подчинили, а при отсутствии такого указания – по закону Российской Федерации;

или
она не была должным образом уведомлена о назначении арбитра или об арбитражном разбирательстве, или по другим причинам не могла представить свои объяснения;

или
решение вынесено по спору, не предусмотренному арбитражным соглашением или не подпадающему под его условия, или содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы арбитражного соглашения, с тем, однако, что если постановления по вопросам, охватываемым арбитражным соглашением, могут быть отделены от тех, которые не охватываются таким соглашением, то может быть отменена только та часть арбитражного решения, которая содержит постановления по вопросам, не охватываемым арбитражным соглашением;

или
состав третейского суда или арбитражная процедура не соответствовали соглашению сторон, если только такое соглашение не противоречит любому положению настоящего Закона, от которого стороны не могут отступать, либо в отсутствие такого соглашения не соответствовали настоящему Закону, либо

2) суд определит, что:
объект спора не может быть предметом арбитражного разбирательства по закону Российской Федерации; или

арбитражное решение противоречит публичному порядку Российской Федерации”.

⁷ “При выдаче исполнительного листа судья проверяет, не противоречит ли решение третейского суда закону...” (статья 18 Положения о третейском суде – приложения № 3 к ГПК РСФСР 1964 г.); “Если при рассмотрении заявления о выдаче приказа на принудительное исполнение решения третейского суда будет установлено, что решение не соответствует законодательству либо принято по неисследованным материалам, арбитражный суд возвращает дело на новое рассмотрение в третейский суд, принявший решение” (статья 26 “Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров”, утвержденного Постановлением Верховного Совета РФ от 24 июня 1992 г. № 3115-1 (в редакции Федерального закона от 16 ноября 1997 г. № 144-ФЗ. – Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 30. – Ст. 1790; Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 47. – Ст. 5341).).

ких нормативных актов достаточно необычно, поскольку он был принят на основе Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г., причем большинство положений первого повторяют текст второго, изначально разрабатывавшегося на английском языке.

Отмеченные моменты являются достаточными для того, чтобы в России применительно к международному коммерческому арбитражу не только в частнопроводном обороте, но и в судебной практике возникало множество вопросов и проблем.

Ситуация осложняется также и тем, что ввиду слабой укорененности третейского разбирательства в России государственные суды (особенно арбитражные) в стремлении обеспечить наличие у себя максимума юрисдикционной власти, предпринимают прямо или завуалировано действия, направленные на дискредитацию третейского разбирательства⁸, к коему относится и международный коммерческий арбитраж.

На настоящий момент известно уже три акта Конституционного Суда РФ, в которых анализируются вопросы, связанные с международным коммерческим арбитражем: определение Конституционного Суда РФ от 9 декабря 1999 г. № 191-О “Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества “Очаковский молочный завод” на нарушение конституционных прав граждан статьями 34 и 35 Закона Российской Федерации “О международном коммерческом арбитраже”⁹; определение Конституционного Суда РФ от 26 октября

⁸ См., например: “Интервью с первым заместителем Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ, доктором юридических наук, профессором М.К. Юковым” // Законодательство. – 2000. – № 7. – С. 4; *Суханов Е.А.* Об одном решении арбитражного суда // Третейский суд. – 2000. – № 5. – С. 45-50); Решение Арбитражного суда Краснодарского края // Третейский суд. – 2000. – № 5. – С. 51-55; *Виноградова Е.А.* О судебном-арбитражной практике рассмотрения исков о расторжении соглашений о передаче споров на рассмотрение третейских судов // Третейский суд. – 2000. – № 6. – С. 12-14; Постановление Арбитражного суда Краснодарского края // Третейский суд. – 2000. – № 6. – С. 16-22. См. также постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12 января 2001 г. по делу № Ф08-3989/2000 (Не опубликовано. Содержится в электронной базе данных “КонсультантАрбитраж: Северо-Кавказский округ”).

⁹ Это определение Конституционного Суда РФ на момент написания настоящей статьи официально еще не опубликовано. Впервые в литературе его текст был приведен Карабельниковым Б.Р. в книге “Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений. Научно-практический комментарий к Нью-Йоркской конвенции 1958 года” (М. – 2001. – С. 358-360). С ним также можно ознакомиться в электронной справочной правовой системе “Гарант”.

2000 г. № 214-О “Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ОАО АКБ “Сбергательный банк Российской Федерации” на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 статьи 34 Закона Российской Федерации “О международном коммерческом арбитраже”¹⁰; определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2001 г. № 204-О “Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Акционерной компании “Алроса” и запроса Верховного Суда Республики Саха (Якутия) о проверке конституционности пункта 1 статьи 35 Закона Российской Федерации “О международном коммерческом арбитраже”¹¹. Тексты данных определений Конституционного Суда РФ приведены в настоящем журнале в разделе “Документы”.

На момент написания настоящей статьи ни один из этих актов официально еще не опубликован, а информация об их содержании широкой известности не получила, ввиду чего их рассмотрение имеет тем большие актуальность и интерес¹². Более того, анализ соотношения институтов третейского разбирательства (включая международный коммерческий арбитраж) с некоторыми институтами конституционного права является для российской юриспруденции давно насущной задачей и способен обогатить каждую из упомянутых отраслей регулирования. В российской литературе такой анализ уже был начат¹³,

¹⁰ Это определение Конституционного Суда РФ на момент написания настоящей статьи официально еще не опубликовано. Впервые в литературе его текст был приведен Карабельниковым Б.Р. в его уже упомянутой книге (С. 364-366). С ним также можно ознакомиться в электронной справочной правовой системе “Гарант”.

¹¹ Это определение Конституционного Суда РФ на момент написания настоящей статьи официально еще не опубликовано. С ним можно ознакомиться в электронных справочных правовых системах “Гарант” и “КонсультантПлюс”.

¹² Нельзя не сказать и о том, что Конституционным Судом РФ было принято еще два определения по вопросам, связанным с третейскими судами: от 13 апреля 2000 г. № 45-О “Об отказе в принятии к рассмотрению обращения Независимого арбитражного (третейского) суда при Торгово-промышленной палате Ставропольского края о проверке конституционности статьи 333 ГК Российской Федерации” и от 21 июля 2000 г. № 123-О “Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества “Сибтеплоизоляция” на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 статьи 87 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации”. Эти определения на момент написания настоящей статьи официально опубликованы не были. Впервые в литературе их текст был приведен Карабельниковым Б.Р. в его уже упомянутой книге (С. 360-364). Эти определения также важны и интересны, но поскольку они посвящены не международному коммерческому арбитражу, далее специально анализироваться они не будут.

¹³ *Комаров А.С.* Основопологающие принципы третейского суда // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2001. – № 4. – С. 87-94.

в том числе на основе иностранного опыта¹⁴. Настоящая статья также призвана внести вклад в разработку данной проблематики.

Итак, что же обращает на себя внимание в упомянутых определениях Конституционного Суда РФ?

1. Конституционный Суд РФ не рассматривал вопрос о конституционности положений Закона РФ “О международном коммерческом арбитраже”, поскольку во всех трех случаях он отказал в принятии к рассмотрению жалоб как не отвечающих критерию допустимости обращений в Конституционный Суд РФ.

Несоблюдение критерия допустимости выразилось в том, что из обстоятельств дела, по мнению Конституционного Суда РФ, не следовало, что применением оспариваемого Закона РФ “О международном коммерческом арбитраже” были затронуты конституционные права и свободы заявителей¹⁵.

В определении от 15 мая 2001 г. № 204-О Конституционный Суд РФ в дополнение к несоблюдению критерия допустимости также указал на то, что отказ в принятии к рассмотрению жалобы вызван тем, что разрешение поставленного вопроса ему неподведомственно.

Тем не менее, в своих определениях Конституционный Суд РФ сделал достаточно важные выводы, имеющие существенное значение для международного коммерческого арбитража в России.

2. В определении от 9 декабря 1999 г. № 191-О Конституционный Суд РФ указал на то, что осознанный выбор субъектом права в качестве способа разрешения споров с его участием процедуры разбирательства в порядке международного коммерческого арбитража не может считаться нарушением конституционного права на судебную защиту, провозглашаемого пунктом 1 статьи 46 Конституции РФ¹⁶: *“Из представленных ОАО “Очаковский молочный завод” материалов следует, что в его жалобе речь идет не о нарушенном, по мнению*

¹⁴ *Heller Kurt Constitutional Limits of Arbitration. – Stockholm Arbitration Report. – Volume 2000:1. – P. 7-21. См. также: Heller Kurt Der verfassungsrechtliche Rahmen der privaten internationalen Schiedsgerichtsbarkeit. – Wien. – Manzsche Verlags- und Universitätsbuchhandlung. – 1996.*

¹⁵ Статья 97 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ “О Конституционном Суде Российской Федерации” предусматривает: *“Жалоба на нарушение законом конституционных прав и свобод допустима, если:*

1) закон затрагивает конституционные права и свободы граждан;
2) закон применен или подлежит применению в конкретном деле, рассмотрение которого завершено или начато в суде или ином органе, применяющем закон”.

¹⁶ *“Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод”.*

заявителя, праве на судебную защиту (оно им уже реализовано), а о праве на свободу договора в части выбора процедуры разрешения спора, возникшего из заключенного с другой стороной контракта. При заключении контракта заявитель, имея право и возможность разрешить спор в государственном арбитражном суде, не воспользовался этим правом, а подписал арбитражное соглашение (оговорку) о передаче споров на рассмотрение Международного коммерческого арбитражного суда. Тем самым он согласился подчиниться правилам разрешения споров, которые установлены для Международного коммерческого арбитражного суда. Поэтому в данном случае нет оснований для вывода о нарушении примененным законом конституционного права на судебную защиту”.

Аналогичный вывод был сделан и в определении от 26 октября 2000 г. № 214-О: “Из жалобы и приложенных к ней материалов следует, что заявитель при заключении контракта не воспользовался правом предусмотреть в нем возможность разрешения возникающих споров в порядке арбитражного судопроизводства, а подписал арбитражное соглашение (оговорку) об их передаче на рассмотрение арбитража (третейского суда) в соответствии с Законом Российской Федерации “О международном коммерческом арбитраже”. Тем самым он, реализовав свое право на свободу договора, добровольно избрал именно этот способ разрешения споров и согласился подчиниться правилам, которые установлены для Международного коммерческого арбитражного суда.

Таким образом, в данном случае нет оснований для вывода о нарушении примененной в деле заявителя нормой конституционного права на судебную защиту, – это право было им реализовано при обращении в суд общей юрисдикции с ходатайством об отмене арбитражного решения”.

То же самое вытекает и из определения от 15 мая 2001 г. № 204-О.

3. Из имеющихся в определении от 9 декабря 1999 г. № 191-О слов “праве на судебную защиту (оно им уже реализовано)” косвенно следует, что ОАО “Очаковский молочный завод” обращалось в суд общей юрисдикции с ходатайством об отмене решения международного коммерческого арбитража.

Соответственно, установление в статье 34 Закона РФ “О международном коммерческом арбитраже” ограниченного перечня оснований для отмены решения не может считаться нарушением конституционного права на судебную защиту.

Этот вывод еще более четко следует из определения от 26 октября 2000 г. № 214-О: *“Таким образом, в данном случае нет оснований для вывода о нарушении примененной в деле заявителя нормой конституционного права на судебную защиту, – это право было им реализовано при обращении в суд общей юрисдикции с ходатайством об отмене арбитражного решения”*.

4. Из совокупного анализа рассматриваемых определений следует, что отсутствие нарушения конституционного права заявителей на судебную защиту обуславливается четырьмя обстоятельствами:

А) действием принципа свободы договора и использованием его заявителями, добровольно избравшими процедуру международного коммерческого арбитража в условиях, когда у них имелось право не обращаться к ней, а предпочесть юрисдикцию государственных судов (соответствующие выдержки из определений уже были приведены выше). Ввиду такого добровольного выбора ими данной процедуры говорить о нарушении их прав на судебную защиту, по мнению Конституционного Суда РФ, не следует;

Б) наличием у заявителей обязанности по соблюдению правил процедуры международного коммерческого арбитража, добровольно избранной ими: *“Тем самым он согласился подчиниться правилам разрешения споров, которые установлены для Международного коммерческого арбитражного суда”* (определение от 9 декабря 1999 г. № 191-О); *“При заключении контрактов с арбитражными соглашениями (оговорками) субъекты гражданско-правовых отношений, реализуя право на свободу договора, добровольно отказываются от разрешения споров государственным судом, самостоятельно назначая арбитраж и арбитров, и принимают на себя обязательства подчиняться правилам, регулирующим порядок оспаривания и исполнения арбитражных решений”* (определение от 15 мая 2001 г. № 204-О).

Соответственно, является юридически необоснованным взгляд, на возможность существования которого указывают работники Высшего Арбитражного Суда РФ и согласно которому *“Если одна из сторон возражает против рассмотрения спора в третейском суде, несмотря на действительное третейское соглашение, третейский суд автоматически теряет компетенцию по рассмотрению спора... Считается, что в противном случае, когда государственный суд отказывается рассматривать спор при наличии третейского соглашения, нарушаются права данной стороны на правосудие”*¹⁷.

В) установлением в Законе РФ “О международном коммерческом арбитраже” как процедуры оспаривания в государственном суде арбитражного решения путем подачи ходатайства о его отмене, так и процедуры признания и приведения в исполнение арбитражного решения: *“Между тем не только ходатайство об отмене, но и ходатайство о признании и исполнении арбитражного решения как способы реализации заинтересованными лицами права на судебную защиту могут повлечь аннулирование решения”*; *“В то же время эта процедура [признания и приведения в исполнение арбитражного решения], возбуждаемая по ходатайству взыскателя при неудовлетворении ходатайства должника об отмене арбитражного решения, по существу, также предоставляет последнему дополнительные возможности по отстаиванию своих интересов”* (определение от 15 мая 2001 г. № 204-О);

Г) возможностью обжалования определений государственных судов, выносимых в результате рассмотрения ходатайства об отмене арбитражного решения, а также ходатайства о признании и приведении в исполнение арбитражного решения, равно как и возможностью проверки законности и обоснованности принятых судебных актов в порядке надзора: *“Закрепленные в указанных статьях Конституции Российской Федерации права во всяком случае обеспечиваются в отношении участников разрешенного МКАС спора равным образом судами общей юрисдикции краевого, областного и приравненных к ним звеньев судебной системы – при рассмотрении как ходатайства об отмене арбитражного решения, так и ходатайства о признании и приведении его в исполнение, а также путем проверки законности и обоснованности принятых судебных решений вышестоящими судебными инстанциями”* (определение от 15 мая 2001 г. № 204-О).

Соответственно, любое лицо, заключающее арбитражное соглашение или включающее в договор арбитражную оговорку о компетенции международного коммерческого арбитража, впоследствии не может утверждать о нарушении его конституционного права на судебную защиту (с учетом сказанного в подпункте (г) следующего пункта).

5. Из рассматриваемых определений Конституционного Суда РФ также следует, что нормы статьи 3 ГПК РСФСР 1964 г. и статьи 4 АПК

¹⁷ *Нештаева Т.Н., Старженецкий В.В.* Третейские и государственный суды. Проблема прав на правосудие // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2000. – № 10. – С. 85.

РФ 1995 г., согласно которым “Отказ от права на обращение в суд недействителен”, должны толковаться ограничительно, т.е. как не распространяющиеся на те случаи, в которых стороны частноправовых отношений выбирают в качестве способа разрешения их споров третейский суд, включая международный коммерческий арбитраж. Соответственно, они должны пониматься как относящиеся только к следующим случаям: а) лицо вообще и в целом отказывается от права на обращение не только в государственный суд, но также и в третейский суд; б) лицо вообще и в целом отказывается от права на обращение в государственный суд с ходатайством об отмене третейского решения или же с ходатайством о признании и приведении в исполнение третейского решения; в) лицо вообще и в целом отказывается от права на обращение в государственный суд по тем публично-правовым или иным спорам, которые не могут рассматриваться в третейском порядке, но при этом сохраняет за собой право обращения в третейский суд: такой отказ действительно не может считаться имеющим силу, поскольку третейский суд в силу закона подобные споры рассматривать не может; г) лицо заключает пророгационное соглашение или третейское соглашение о передаче споров с его участием на рассмотрение такого находящегося за рубежом государственного суда или третейского суда, насчет которого уже *a priori* известно, что его решение не может быть исполнено в России в принципе.

В связи с вышесказанным можно отметить еще один любопытный нюанс: хотя в целом в ГПК РСФСР 1964 г. и АПК РФ 1995 г. под понятием “суд” понимается, соответственно, исключительно государственный суд общей юрисдикции и государственный арбитражный суд, в статье 3 ГПК РСФСР 1964 г. и статье 4 АПК РФ 1995 г. под этим понятием надлежит понимать также и третейский суд (решения которого могут быть признаны и исполнены в России), подобно тому, как это сделано в пункте 1 статьи 11 ГК РФ (“*Защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет в соответствии с подведомственностью дел, установленной процессуальным законодательством, суд, арбитражный суд или третейский суд (далее – суд)*”). Это как раз тот случай, когда квалификация понятия, используемого в частном праве, должна применяться и для толкования термина, используемого в публичном регулировании. Такая необходимость продиктована тесно связанными между собой природой частного права и сущностью третейского разбирательства, равно как и принципом сво-

боды договора, а оправдывается данная необходимость тем, что в российском нормативном регулировании эти только что отмеченные природа, сущность и принцип не всегда учитываются.

6. Подчеркнем еще раз следующий момент: из сказанного в предыдущем пункте следует, что отказ вообще и в целом от права на обращение в третейский суд, включая международный коммерческий арбитраж, по частноправовым спорам не может являться действительным. Единственное исключение из этого принципа: отказ вообще и в целом от права на обращение в такой находящийся за рубежом третейский суд, насчет которого уже *a priori* известно, что его решение не может быть исполнено в России в принципе.

7. Кроме того, не могут считаться нарушающими конституционное право на судебную защиту или направленными на поощрение отказа от права на обращение в суд следующие процессуальные нормы в тех их частях, которые упоминают о третейских судах:

статья 8 Закона РФ “О международном коммерческом арбитраже” (“1. Суд, в который подан иск по вопросу, являющемуся предметом арбитражного соглашения, должен, если любая из сторон попросит об этом не позднее представления своего первого заявления по существу спора, прекратить производство и направить стороны в арбитраж, если не найдет, что это соглашение недействительно, утратило силу или не может быть исполнено.

2. В случае предъявления иска, указанного в пункте 1 настоящей статьи, арбитражное разбирательство может быть тем не менее начато или продолжено и арбитражное решение вынесено, пока пререкания о подсудности ожидают разрешения в суде”). Однако отметим, что в данной норме с точки зрения российского процессуального регулирования содержится терминологическая неточность: суд должен не прекращать производство по делу, а оставлять иск без рассмотрения. Как известно, в случае прекращения производства по делу вторичное обращение в суд по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям не допускается (статья 86 АПК РФ 1995 г., статья 220 ГПК РСФСР 1964 г.);

статья 85 АПК РФ 1995 г. (“Арбитражный суд прекращает производство по делу: ...

3) если имеется вступившее в законную силу принятое по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям решение третейского суда, за исключением случаев, когда арбитраж-

ный суд отказал в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, возвратил дело на новое рассмотрение в третейский суд, принявший решение, но рассмотрение дела в том же третейском суде оказалось невозможным; ...”);

статья 87 АПК РФ 1995 г. (“Арбитражный суд оставляет иск без рассмотрения:

1) если в производстве суда общей юрисдикции, арбитражного суда, третейского суда имеется дело по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям;

2) если имеется соглашение лиц, участвующих в деле, о передаче данного спора на разрешение третейского суда и возможность обращения к третейскому суду не утрачена и если ответчик, возражающий против рассмотрения дела в арбитражном суде, не позднее своего первого заявления по существу спора заявит ходатайство о передаче спора на разрешение третейского суда; ...”). Отметим особо, что Конституционный Суд РФ в своем уже упоминавшемся выше определении от 21 июля 2000 г. № 123-О пришел к выводу о том, что данная статья не может рассматриваться как нарушающая конституционное право на судебную защиту;

статья 107 АПК РФ 1995 г. (“1. Судья отказывает в принятии искового заявления: ...

3) если в производстве суда общей юрисдикции, арбитражного суда, третейского суда имеется дело по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям;

4) если имеется вступившее в законную силу принятое по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям решение третейского суда, за исключением случаев, когда арбитражный суд отказал в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, возвратил дело на новое рассмотрение в третейский суд, принявший решение, но рассмотрение дела в том же третейском суде оказалось невозможным”);

положения в ГПК РСФСР 1964 г., аналогичные вышеприведенным.

8. Из определений от 9 декабря 1999 г. № 191-О и от 26 октября 2000 г. № 214-О следует, что выбор субъектом права в качестве способа разрешения споров с его участием процедуры разбирательства в порядке международного коммерческого арбитража не может считаться нарушением не только его конституционного права на судебную защиту, провозглашаемого пунктом 1 статьи 46 Конституции РФ¹⁸,

¹⁸ “Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод”.

но также и права на частную собственность и ее защиту, устанавливаемого пунктами 1 и 3 статьи 35 Конституции РФ¹⁹.

Является вполне очевидным, что отсутствие нарушения права на частную собственность и ее защиту обусловливается теми же четырьмя обстоятельствами, которые уже были указаны выше в пункте 4.

Нельзя не отметить и то, что Конституционный Суд РФ в определении от 26 октября 2000 г. № 214-О совершенно правильно указал: *“Ссылка же на нарушение пунктом 2 статьи 34 Закона Российской Федерации “О международном коммерческом арбитраже” права частной собственности (статья 35 Конституции Российской Федерации) не может быть принята Конституционным Судом Российской Федерации во внимание как необоснованная, поскольку это право оспариваемой нормой никоим образом не затрагивается”*. Действительно, статья 34 указанного Закона (уже приводилась выше) право частной собственности прямо не затрагивает.

Однако нельзя не вспомнить статью 35²⁰ и пункт 1 статьи 36²¹ данного Закона, о которых такое сказать уже нельзя. В определении от 26 октября 2000 г. № 214-О эти статьи не упомянуты, т.к. заявитель их конституционность, вероятно, не оспаривал. Вместе с тем, заявитель,

¹⁹ “1. Право частной собственности охраняется законом. ...

3. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. ...”.

²⁰ “1. Арбитражное решение, независимо от того, в какой стране оно было вынесено, признается обязательным и при подаче в компетентный суд письменного ходатайства приводится в исполнение с учетом положений настоящей статьи и статьи 36.

2. Сторона, основывающаяся на арбитражном решении или ходатайствующая о приведении его в исполнение, должна представить должным образом заверенное подлинное арбитражное решение или должным образом заверенную копию такового, а также подлинное арбитражное соглашение, указанное в статье 7, или должным образом заверенную копию такового. Если арбитражное решение или соглашение изложены на иностранном языке, сторона должна представить должным образом заверенный перевод этих документов на русский язык”.

²¹ “В признании или приведении в исполнение арбитражного решения, независимо от того, в какой стране оно было вынесено, может быть отказано лишь:

1) по просьбе стороны, против которой оно направлено, если эта сторона представит компетентному суду, в котором испрашивается признание или приведение в исполнение, доказательства того, что:

одна из сторон в арбитражном соглашении, указанном в статье 7, была в какой-либо мере недееспособна; или это соглашение недействительно по закону, которому стороны его подчинили, а при отсутствии такого указания – по закону страны, где решение было вынесено; или

сторона, против которой вынесено решение, не была должным образом уведомлена о назначении арбитра или об арбитражном разбирательстве или по другим причинам не могла представить свои объяснения; или

очевидно, полагал, что он лишается собственности на основании решения международного коммерческого арбитража, тогда как согласно пункту 3 статьи 35 Конституции РФ это могло иметь место только по решению государственного суда.

На самом же деле никакого нарушения права на защиту частной собственности в случае с вынесением международным коммерческим арбитражем решения по поводу такой собственности места иметь не может. Во-первых, согласившись добровольно на применение процедуры международного коммерческого арбитража, лицо по своей воле соглашается и обязуется выполнить вынесенное в итоге решение. Если оно его исполняет добровольно, то говорить о нарушении права на защиту частной собственности невозможно. Во-вторых, если лицо не согласно с вынесенным решением, оно может оспаривать его или возражать против приведения его в исполнение. В любом случае принудительное лишение этого лица его собственности будет возможно только на основании определения государственного суда общей юрисдикции о приведении в исполнение решения международного коммерческого арбитража: *“Процедура признания и приведения в исполнение арбитражного решения является в то же время необходимой предпосылкой выдачи исполнительного листа, на основании которого в силу пункта 1 статьи 7 Федерального закона “Об исполнительном производстве” и осуществляется принудительное исполнение арбитражного решения. В то же время эта процедура, возбуждаемая по ходатайству взыскателя при неудовлетворении ходатайства должника об отмене арбитражного решения, по существу, также*

решение вынесено по спору, не предусмотренному арбитражным соглашением или не подпадающему под его условия, или содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы арбитражного соглашения, с тем, однако, что если постановления по вопросам, охватываемым арбитражным соглашением, могут быть отделены от тех, которые не охватываются таким соглашением, то та часть арбитражного решения, которой содержатся постановления по вопросам, охватываемым арбитражным соглашением, может быть признана и приведена в исполнение; или состав третейского суда или арбитражная процедура не соответствовали соглашению сторон или в отсутствие такового не соответствовали закону той страны, где имел место арбитраж; или решение еще не стало обязательным для сторон, или было отменено, или его исполнение было приостановлено судом страны, в которой или в соответствии с законом которой оно было вынесено; либо

2) *если суд найдет, что:*

объект спора не может быть предметом арбитражного разбирательства по закону Российской Федерации; или

признание и приведение в исполнение этого арбитражного решения противоречат публичному порядку Российской Федерации”.

предоставляет последнему дополнительные возможности по отстаиванию своих интересов” (определение от 15 мая 2001 г. № 204-О).

Тот факт, что никакого при этом нарушения права на судебную защиту места не имеет, подтверждается уже сказанным выше.

9. Следует особо отметить, что в рассматриваемых определениях Конституционного Суда РФ речь идет только о международном коммерческом арбитраже, действующем в России, а именно о Международном коммерческом арбитражном суде при ТПП РФ, а не об иностранных международных коммерческих арбитражах. Более того, в определении от 15 мая 2001 г. № 204-О Конституционный Суд РФ прямо указал, что заявители подвергают сомнению конституционность Закона РФ “О международном коммерческом арбитраже” лишь в части, касающейся решений арбитражей, находящихся на территории России.

Тем не менее, вытекающие из определений Конституционного Суда РФ выводы, упомянутые в предыдущих пунктах 2-8, должны быть распространены и на международный коммерческий арбитраж, имеющий или имевший место за границей. Это следует как из положений Закона РФ “О международном коммерческом арбитраже”, так и из сохранения международным коммерческим арбитражем своей природы независимо от его локализации, и этому ничто в определениях Конституционного Суда РФ и действующем законодательстве России не препятствует.

Кроме того, такие выводы, упомянутые в предыдущих пунктах 2-8, должны быть распространены *mutatis mutandis* и на разбирательство споров во внутренних третейских судах, действующих в России.

10. Далее, в определении от 15 мая 2001 г. № 204-О Конституционный Суд РФ высказался по очень важному вопросу, уже несколько лет занимающему умы не только специалистов в сфере международного гражданского процесса, но и сотрудников Высшего Арбитражного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Речь идет о том, какие суды являются компетентными рассматривать ходатайства о приведении в исполнение решений международного коммерческого арбитража: государственные арбитражные суды или же суды общей юрисдикции? Этот вопрос дискутируется в научной литературе уже достаточно давно²².

²² Муранов А.И. Исполнение иностранных судебных и арбитражных решений: компетенция российских судов. – М. – Юстицинформ. – 2002; Муранов А.И. Проблема определения суда, компетентного рассматривать вопрос о приведении в исполнение в Российской Федерации иностранных решений по коммерческим спорам // Московский журнал международного права. – 2000. – № 1. – С. 316-380; Карabelleвников Б.Р. Признание и приведение в исполнение иностранных арбитражных решений. Научно-

Безусловно, определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2001 г. № 204-О посвящено не анализу вопроса о соотношении компетенции судов общей юрисдикции и государственных арбитражных судов приводить в исполнение решения международного коммерческого арбитража. Тем не менее, сделанные в нем выводы свидетельствуют о том, что *de lege lata* такой компетенцией обладают именно суды общей юрисдикции: *“При наличии такого регулирования однородность подсудных судам вышестоящего звена судебной системы вопросов, разрешаемых по ходатайствам об отмене арбитражного решения и по ходатайствам о признании и обращении арбитражного решения к исполнению, предопределяет отнесение последних к компетенции судов того же уровня, а именно Верховных Судов республик в составе Российской Федерации, краевых, областных, городских судов, судов автономных областей и автономного округа по месту арбитража. Это соответствует общим принципам определения подсудности дел вышестоящим судам, исходя из целей предоставления равных судебных гарантий в рамках аналогичных процессуальных отношений”*. Отсюда также следует, что компетенцией приводить в исполнение в России решения иностранных государственных судов по частноправовым вопросам обладают именно суды общей юрисдикции той же самой инстанции.

Таким образом, в определении от 15 мая 2001 г. № 204-О Конституционный Суд РФ также дал толкование понятия *“компетентный суд”*, содержащегося в пункте 1 статьи 35 Закона РФ *“О международном коммерческом арбитраже”* и допускающего различную интерпретацию. Как известно, в принятых за последние шесть лет нормативных актах России, непосредственно связанных как с приведением в исполнение решений российского и иностранного международного коммерческого арбитража, так и с исполнительным производством, весьма важный вопрос о суде, компетентном разрешать исполнение упомянутых решений, в *“лучших”* традициях отечественного регулирования обходится молчанием. Ни в статьях 35 и 36 Закона РФ *“О международном коммерческом арбитраже”*, ни в каких-либо других российских нормативных актах ничего не говорится о том, какой именно суд является компетентным разрешать исполнение решений международных коммерческих арбитражей.

практический комментарий к Нью-Йоркской конвенции 1958 года. – М. – 2001. – С. 118-123; Попондопуло В.Ф., Скородумов Е.А. Исполнение решений третейских судов и возникающие в связи с этим проблемы // Третейский суд при Санкт-Петербургской торгово-промышленной палате. – СПб. – 2001. – С. 71-73.

Указав на то, что вопросы, разрешаемые по ходатайствам о признании и обращении арбитражного решения к исполнению, относятся к компетенции судов Верховных Судов республик в составе РФ, краевых, областных, городских судов, судов автономных областей и автономного округа, Конституционный Суд РФ заметил: *“Следовательно, понятие “компетентный суд” в данном случае определяется однозначно, а положение пункта 1 статьи 35 Закона Российской Федерации “О международном коммерческом арбитраже” во взаимосвязи с другими его нормами и без какой-либо дополнительной, необходимой с точки зрения заявителя, конкретизации правового регулирования в области обращения к исполнению арбитражных решений не может расцениваться как нарушающее статьи 46 и 47 (часть 1) Конституции Российской Федерации”*.

Тем самым содержащаяся в пункте 1 статьи 35 Закона РФ “О международном коммерческом арбитраже” неопределенность была устранена. Это также является примером того, каким образом суды при рассмотрении дел должны толковать неясности, содержащиеся в нормативном регулировании, не уклоняясь от данной своей обязанности.

11. Соответственно, из определения от 15 мая 2001 г. № 204-О также следует, что пункт 1 статьи 35 Закона РФ “О международном коммерческом арбитраже” не может считаться несоответствующим Конституции РФ, а именно пунктам 1 ее статей 46²³ и 47²⁴, ввиду чего являются неосновательными ссылки на то, что пункт 1 статьи 35 этого Закона исключает действие общих правил ГПК РСФСР 1964 г., согласно которым дела по рассмотрению ходатайств о признании и приведении арбитражных решений в исполнение должны были бы быть подсудны судам первой инстанции по месту нахождения ответчика.

12. В определении от 15 мая 2001 г. № 204-О Конституционный Суд РФ сделал еще одно очень важное указание, согласно которому вопросы, разрешаемые по ходатайствам о признании и приведении в исполнение арбитражного решения, относятся к компетенции судов Верховных Судов республик в составе РФ, краевых, областных, городских судов, судов автономных областей и автономного округа **по месту международного коммерческого арбитража**: *“При наличии такого регулирования однородность подсудных судам вышестоящего звена судебной системы вопросов, разрешаемых по ходатайствам об отмене*

²³ *“Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод”*.

²⁴ *“Никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом”*.

арбитражного решения и по ходатайствам о признании и обращении арбитражного решения к исполнению, предопределяет отнесение последних к компетенции судов того же уровня, а именно Верховных Судов республик в составе Российской Федерации, краевых, областных, городских судов, судов автономных областей и автономного округа по месту арбитража. Это соответствует общим принципам определения подсудности дел вышестоящим судам, исходя из целей предоставления равных судебных гарантий в рамках аналогичных процессуальных отношений”.

Однако нельзя не учитывать, что такое указание относится исключительно к ходатайствам о признании и приведении в исполнение арбитражного решения, вынесенного в России. Представляется, что высказанная в этом отношении Конституционным Судом РФ аргументация является правильной и весьма основательной. Что же касается ходатайств о признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения, то применительно к ним необходимо руководствоваться пунктами 2 и 11 продолжающего действовать в России Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1988 г. № 9131-XI “О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей”²⁵, т.е. признавать компетенцию по рассмотрению таких ходатайств за судами Верховных Судов республик в составе РФ, краевых, областных, городских судов, судов автономных областей и автономного округа по месту жительства (нахождения) должника, а если должник не имеет места жительства (нахождения) в СССР либо место жительства (нахождения) должника неизвестно, – по месту нахождения его имущества.

В заключение отметим, что анализ вопросов международного коммерческого арбитража, осуществленный Конституционным Судом РФ

²⁵ “2. Вопрос о разрешении принудительного исполнения решения иностранного суда рассматривается по ходатайству взыскателя Верховным Судом союзной республики (в республиках, не имеющих областного деления), Верховным Судом автономной республики, краевым, областным, городским судом, судом автономной области и судом автономного округа по месту жительства (нахождения) должника, а если должник не имеет места жительства (нахождения) в СССР либо место жительства (нахождения) должника неизвестно, – по месту нахождения его имущества”; “11. Положения статей 2-10 настоящего Указа, за исключением части второй статьи 3, пунктов 1-4 и 6 части второй статьи 5 и части седьмой статьи 10, применяются также к иностранным арбитражным решениям, признание и исполнение которых предусмотрены соответствующим международным договором СССР” (Ведомости Верховного Совета СССР. – 1988. – № 26. – Ст. 427).

в своих трех определениях, с юридической точки зрения безупречен и полностью соответствует тенденциям права международной торговли, нашедшим отражение в документах международного уровня. И хотя Конституционный Суд РФ к международно-правовым актам и стандартам в своих определениях не обращался, является понятным, что это было вызвано, вероятно, тем, что обращения заявителей касались исключительно российских, а не иностранных международных коммерческих арбитражей.

В этой связи нельзя не упомянуть Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.)²⁶, заключенную в рамках Совета Европы и действующую для России, пункт 1 статьи 6 “Право на справедливое судебное разбирательство” которой предусматривает: *“Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия”*. Нельзя также не сказать и о том, что Европейский Суд по правам человека и Европейская Комиссия по правам человека в своей деятельности неоднократно обращались к вопросам, связанным с третейским разбирательством. Поскольку Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”²⁷ Российская Федерация признала юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции, то ввиду этого применительно к третейскому разбирательству, включая международный коммерческий арбитраж, возникает вопрос о соотношении статьи 6 указанной Конвенции и использованных Европейским Судом и Евро-

²⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163; Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 3.

²⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 14. – Ст. 1514.

пейской Комиссией подходов с российскими регулированием и правоприменительной практикой. В российской литературе анализ этого вопроса уже был начат²⁸, и он, без сомнения, должен быть продолжен, хотя и за пределами настоящей статьи. Отметим лишь, что и Европейская Комиссия, и Европейский Суд в своей деятельности исходили и исходят из того, что в случае с правомерным и свободным избранием сторонами третейского разбирательства никакое нарушение статьи 6 указанной Конвенции места не имеет. Ввиду этого являются весьма непонятными следующие прозвучавшие из уст первого заместителя Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ слова: *“Одно из предложений экспертов Совета Европы касается третейской оговорки. Суть в том, чтобы независимо от наличия третейской оговорки в договоре и от того, рассматривается ли дело в третейском суде, дать сторонам возможность в любой момент обратиться в государственный суд. Действующий АПК РФ этого не позволяет: если в договоре имеется третейская оговорка и с ней не согласна лишь одна сторона, дорога в государственный суд закрыта.*

Несовершенство данной нормы очевидно: нередко к нам обращаются представители одной из сторон, ранее согласившиеся на третейскую оговорку, с просьбой рассмотреть дело в государственном суде. Они объясняют изменение своей позиции тем, что в свое время не до конца продумали все “за” и “против”, связанные с третейской оговоркой. Мы же в таких случаях вынуждены отказывать.

Эксперты Совета Европы полагают, что помещение подобной нормы в АПК было ошибкой, поскольку, согласно нашей Конституции, никто не может быть лишен возможности защищать свои права в государственном суде. Конституция любого государства гарантирует судебную защиту каждому лицу. Поэтому добровольность решения о передаче дела в третейский суд должна быть соблюдена до конца. И если после внесения третейской оговорки в договор кто-то передумал, то в этой части договор может быть нарушен в одностороннем порядке.

Такой подход для нас пока непривычен, и я не знаю, как отнесется к такому предложению Государственная Дума, но мы сочли его разумным и внесли такое положение в проект”²⁹. Подобная позиция юри-

²⁸ Комаров А.С. Основополагающие принципы третейского суда // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2001. – № 4. – С. 87-94.

²⁹ Интервью с первым заместителем Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ, доктором юридических наук, профессором М.К. Юковым // Законодательство. – 2000. – № 7. – С. 4. Обращают на себя внимание слова “договор может быть нарушен в одностороннем порядке”: это, конечно же, оговорка, но достаточно знаменательная.

дически обоснованной не является ни с точки зрения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.), ни с точки зрения российского права. Интересно и то, что заявление М.К. Юкова о том, что *“мы сочли его разумным и внесли такое положение в проект”* не соответствует действительности: в проекте АПК РФ, внесенном в Государственную Думу Федерального Собрания РФ Высшим Арбитражным Судом РФ на основании Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 31 июля 2000 г. № 6³⁰, ничего подобного нет. Автор приведенных выше слов не учел и то, что в современном российском праве принцип соблюдения третейского соглашения все-таки закреплён, пусть и только применительно к третейским записям, заключенным по определенным спорам только с участием граждан: статья 9 приложения № 3 к ГК РСФСР 1964 г. *“Положение о третейском суде”* устанавливает, что *“Граждане, заключившие договор о передаче спора на рассмотрение третейского суда, не вправе отказаться от него до истечения срока, предусмотренного третейской записью, кроме случаев, указанных в статье 6 настоящего Положения”*. Очевидно, что это правило вполне может использоваться по аналогии и государственными арбитражными судами. Что же касается статьи 6 упомянутого *“Положения о третейском суде”* (*“Перемена судей до окончания рассмотрения дела не допускается. Сторона вправе отказаться от соглашения, если докажет, что кто-либо из судей заинтересован в исходе дела и что об этом обстоятельстве ей не было известно при заключении договора”*), то вполне понятно, что принцип добросовестности сторон и третейских судей незыблем и при отсутствии таковой третейское соглашение может оспариваться в судебном порядке, но не подвергаться сомнению односторонними внесудебными действиями одной из сторон.

В заключение отметим, что, хотя факт обращения Конституционного Суда РФ к вопросам международного коммерческого арбитража и заслуживает всяческого внимания, все-таки представляется, что во многом такое обращение было обусловлено неоправданными причинами, вызванными непониманием природы и специфики международного коммерческого арбитража. Конституционный Суд РФ сделал все от него зависящее для того, чтобы такое непонимание устранить. Хо-

³⁰ Постановлением Государственной Думы РФ от 11 апреля 2001 г. № 1345-III ГД проект этого кодекса принят в первом чтении (Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 17. – Ст. 1656). С текстом этого проекта можно ознакомиться в электронной справочной правовой системе “Гарант”.

телось бы надеяться, что в последующем российскими субъектами правового оборота и судебными органами будет даваться адекватная оценка положениям Закона РФ “О международном коммерческом арбитраже”, которые хотя и несвободны от некоторых недостатков, но в то же время на надлежащем уровне и правильно закрепляют признанные на международном уровне правила применительно к широко распространенному и эффективному способу разрешения споров в международном торговом обороте. Наличие и корректное применение таких правил в российском регулировании крайне важно хотя бы потому, что только посредством их использования российское право будет предоставлять надлежащие средства защиты всем участникам международного торгового оборота и не будет отставать в этом плане от остальных правовых систем.